

УДК 339

США И ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1937–1939 гг.)

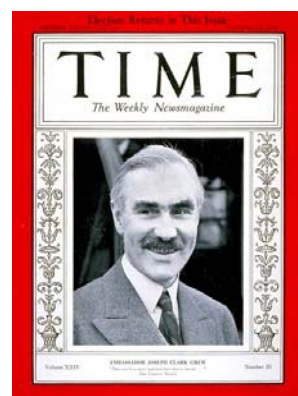
© 2014 г. **М.Г. Носов***
Институт Европы РАН, Москва

Американо-японские отношения в период между июлем 1937 г., когда захват Маньчжурии перерос в широкомасштабную войну между Японией и Китаем, и началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. можно характеризовать как крах американских надежд на сохранение Версальской системы в Тихоокеанском регионе. В этот период политика США в отношении Японии стала постепенно переходить от увещаний японских агрессоров к возможному противостоянию. Переговоры и американские призывы к благоразумию и здравому смыслу и даже угрозы введения экономических санкций не слишком действовали на японских политиков и военных, заявлявших об установлении «нового порядка» в Азии, официальной целью которого было якобы «освобождение народов Азии от белого колониализма», а на деле являлось перераспределением ресурсов региона в пользу Японии.

Ключевые слова: США, Япония, Китай, СССР, умиротворение, Мюнхенское соглашение, санкции.

Эволюция американской политики в отношении Японии в 1937–1939 гг. постепенно шла от благодушных надежд на сохранение мира к готовности противостоять японскому милитаризму. В телеграмме посла США в Токио Джозефа Грю, направленной 1 января 1937 г. госсекретарю Корделлу Хэллу, посольство оценило перспективы развития американо-японских отношений на предстоящий год как «не внушающие пессимизма» [10, р. 2]. В своём дневнике на странице за 12 февраля того же года Грю, описывая свою встречу со спикером МИД Японии Амау Эйити, который в апреле 1934 г. выдвинул доктрину, направленную против «политики открытых дверей», тем не менее, назвал свою главу «Время, когда японо-американские отношения были лучше, чем когда-либо» [14, р. 205].

К этому моменту американцы более или менее смирились с японским захватом Маньчжурии, начавшемся в 1931 г., и пытались приспособить сло-

Джозеф Грю

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@mail.ru.

Продолжаем цикл статей об истории развития отношений США и Японии. См.: «США ❖ Канада». 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4 и 11; 2013: № 7, 12 – *Ред.*

жившуюся ситуацию к собственным интересам в Китае. Американцы считали, что японцы не смогут освоить экономическое развитие этих провинций и прибегнут к американским капиталам и технологиям в рамках политики «открытых дверей». Кроме того, японский протекторат над северными провинциями Китая рассматривался Вашингтоном как своего рода санитарный кордон на дальневосточных границах СССР.

Оптимизм американцам внушала и фигура пришедшего к власти в феврале 1937 г. премьер-министра генерала Хаяси Сендзюро, которого посол Грю охарактеризовал как «солдата до мозга костей, честного, рационального, прямого, умеренного, влиятельного в армии, хотя и не слишком опытного в политике и в государственном управлении» [10, р. 708]. Назначенный же в марте министром иностранных дел Сато Наотакэ имел репутацию либерала, что позволило американскому послу срочно доложить в Вашингтон – назначение Сато «явно свидетельствует о постоянном конфликте, существующем в Японии между либеральной дипломатией старой школы и бесноватой, бряцающей оружием дипломатией, сложившейся после Маньчжурского инцидента 1931 года» [10, р. 49].

Реакция американского посла в Токио на изменения в японском политическом истеблишменте, чья позиция в определённой степени влияла на принятие решений в Вашингтоне, всегда отражала его тайную надежду на смену политического курса Японии, что далеко не полностью соответствовало реальности японской политической кухни. Расчёт на либерализацию связывался с политической репутацией новых фигур в правительстве и с их отдельными не всегда откровенными высказываниями. Посол Грю всё ещё считал, что маятник политической конкуренции раскачивается между милитаристами и либералами, которые в конечном счёте одержат верх над военными. Подобной же точки зрения придерживалось и руководство США, и американские общественные деятели, всё ещё надеявшиеся, что либерализм «демократии Тайсё» и основанная на здравом смысле оценка экономических и военных потенциалов обеих стран, возьмёт верх над милитаризмом. Американские оценки политики Токио основывались и на допущении, что японская экономика не готова к широкомасштабной войне ни с СССР, стоявшем на первом месте в планах японского Генштаба, ни с Китаем, где Япония продолжала вести не слишком интенсивные военные действия против армии Чан Кайши.

При этом не учитывалось, прежде всего, то, что Япония уже после захвата Маньчжурии твёрдо встала на рельсы мобилизационной экономики в рамках провозглашённого лозунга о создании «тотального государства», что и определяло политическую ориентацию страны. Правительство выделило крупные государственные дотации на развитие тяжёлой промышленности, где были размещены военные заказы, уровень заработной платы упал, а рабочий день увеличился до 11-ти часов. Не понимал Грю и того, что за частой сменой политических фигур на Олимпе власти стояла сложная борьба между политическими партиями, императорским двором и военными, чья роль с каждым годом возрастала.

В конце мая 1937 г. кабинет Хаяси ушёл в отставку, а новый премьер-министр Коноэ Фумимаро и министр иностранных дел Хирота Коки особым либерализмом не отличались, поскольку, хотя и не считали всевластие военных благом для Японии, выступали за проведение агрессивной внешней поли-

тики. Новый премьер был противником международных договорённостей 1920-х годов и Лиги Наций как инструмента урегулирования международных споров. Он считал, что всё это консервирует несправедливое распределение территорий и ресурсов и что Япония «должна отбросить идеи мира, основанные на принципе статус-кво, и выработать новые принципы международного мира, основанного на текущих подходах». Коноэ делил страны мира на «имеющие ресурсы и земли» и «не имеющие их». Относя Японию ко второй группе, он считал, что мир должен был обеспечить Японии «право на выживание» [16, р. 38].

Американский оптимизм был окончательно развеян событиями июля 1937 г., и прогнозу Грю* не было суждено сбыться. Новое японо-китайское

столкновение началось вечером 7 июля 1937 г. с незначительного эпизода. Во время регулярных маневров японского батальона, дислоцированного вблизи моста Люгоцяо (мост Марко Поло; см. фото) в 30 километрах от Пекина, было сделано несколько холостых выстрелов в сторону казарм китайской 29-й армии. Китайцы ответили выстрелами,

которые никакого вреда японцам не причинили. Во время вечерней поверки обнаружилось отсутствие одного японского солдата, в исчезновении которого обвинили китайцев. К моменту, когда солдат вернулся из самоволки, была объявлена тревога, информация о случившемся была доложена по инстанции и началась перестрелка между противостоящими гарнизонами. Обе стороны подтянули подкрепления и начали интенсивные военные действия. В Японии инцидент был расценен как нарушение достигнутого в 1935 г. японо-китайского соглашения о том, что китайские войска не могут вводиться в провинцию Хэбэй, в территорию которой входил Пекин. По словам премьер-

* Выпускник Гарварда и карьерный дипломат Грю до самого нападения на Пёрл-Харбор был убеждён в том, что войны с Японией удастся избежать, а то, что ему говорят на дипломатических раутах японские политики, соответствует реальности. В дневниковой записи от 5 декабря 1941 г. посол цитирует частное письмо к нему «известного японского политика», уверенного в том, что «переговоры в Вашингтоне закончатся благополучно». Запись заканчивается словами: «По моему мнению, это письмо является прекрасным примером существующего сегодня общественного мнения в Японии» [14, р. 486].

** К 1937 г. Японские войска располагались во многих районах Китая, включая Тайвань, где они находились с 1895 г., в соответствии с Симоносекским договором, в трёх провинциях Маньчжурии (Хэйлуцзян, Кирин, Ляонин) и в части провинций Жэхэ (до 1955 г. – провинция на северо-востоке Китая, сейчас часть провинций Хэбэй, Ляонин и Внутренняя Монголия) и Чахар (до 1952 г. провинция во Внутренней Монголии сейчас часть провинций Хэбэй и Шаньси), захват которых был осуществлён в ходе так называемого Маньчжурского инцидента. Кроме этого японские войска после участия в подавлении Боксёрского восстания в 1901 г. находились в районе Пекина и Тяньцзиня, на Ляодунском полуострове (в соответствии с Портсмутским миром 1905 г. Японии отошли Порт-Артур и Далянь) и Шаньдунском полуострове (после Первой мировой войны Японии отошли бывшие германские территории на полуострове Шаньдун) и в международном сообществе в Шанхае.

министра Японии Коноэ, случившееся явилось «результатом антияпонской военной акции со стороны Китая» [20, р. 444-446].

Первоначально инцидент носил довольно ограниченный характер и было очевидно, что японское правительство проявляло определённую заинтересованность в его урегулировании. В Токио многие политики считали, что конфликт будет мешать подготовке к решению стратегической задачи – войне с СССР. Противники расширения военных действий исходили и из того, что расходы на новую войну подорвут возможность сосредоточить экономические и военные ресурсы на реализации установления японского господства во всей Азии, а использование экономики Маньчжурии пока было не достаточным для решения долгосрочных задач японской политики.

В то же время и в Японии, и в Китае существовали силы, препятствовавшие мирному урегулированию инцидента. Обладавшие всё более растущим политическим весом, японские военные видели в расширении военных действий фактор укрепления своего влияния и получения новых военных ассигнований. Руководство Квантунской армии считало, что случившееся у моста Марко Поло, предоставляет хороший шанс для расширения японского военного присутствия в Китае. Деловые круги видели в войне возможность для дальнейшего развития экономики. По словам министра торговли и промышленности Ёсино Синдзи, «правительство рассматривало инцидент как возможность сделать ещё один решительный шаг на пути развития японской экономики и промышленности и было бы желательно, чтобы меры, предпринятые для этого, выходили за рамки усилий предназначенных для его разрешения, давая шанс для будущего экономического развития страны» [23, р. 128].

Отказ китайского руководства от переговоров определялся тем, что весной 1937 г. Нанкинское правительство Чан Кайши, которое с начала захвата японцами Маньчжурии в 1931 г. практически не оказывало серьёзного сопротивления агрессорам, сосредоточив свои силы на борьбе с коммунистами, приняло решение пересмотреть свою позицию. Итогом переговоров с КПК стал процесс интеграции военных формирований коммунистов в ряды регулярной гоминдановской армии*. Уже 8 июля, на следующий день после перестрелки у моста Марко Поло, Чан Кайши записал в своём дневнике: «Наступило время принять решение об отпоре японцам, которые продолжают бросать нам вызов» [23, р. 305]. На следующий день он отдал приказ о переброске двух дивизий в район конфликта.

Когда 11 июля японцы потребовали от Нанкинского правительства извинений за случившееся у моста Марко Поло, наказания виновных и отвода войск, китайская сторона отказалась от любых уступок. В ответ на японский ультиматум китайцы обстреляли японские войска, а те в свою очередь начали полномасштабные военные действия. Через несколько дней Пекин был оккупирован японскими войсками и остановить развитие большой войны уже было невозможно.

* В апреле 1937 г. в Яньане состоялась встреча представителя Гоминьдана с руководством КПК, а в июне в Нанкине между ними начались переговоры, что давало шанс для прекращения гражданской войны и создания единого фронта в борьбе с японской агрессией. Все это произошло, после того как Чан Кайши был арестован Чжан Сюэляном (молодым маршалом) в Сиане. Соглашение о сотрудничестве было подписано в августе 1937 года.

В июле 1937 г. японские военные, исходя из опыта захвата Маньчжурии, считали, что им хватит трёх дивизий, 100 млн. иен и трёх месяцев [4, р. 91], для того чтобы заставить Чан Кайши и коммунистов прекратить сопротивление. Оптимизм военных, как это часто бывало и ещё много раз будет в истории, не оправдался. Уже первые три месяца войны обошлись в 2,5 млрд. иен, что практически равнялось годовому бюджету Японии в 1937–1938 фин. г. [23, р. 481].

Сопротивление китайцев заставило Токио продолжить широкую переброску войск и техники из Японии, Кореи и Маньчжурии в район боевых действий. К концу 1937 г. численность японской армии в Китае достигла 16 дивизий, однако, даже несмотря на то что японцы захватили сначала Нанкин, где находилось китайское правительство, а затем и Чунцин, куда оно было эвакуировано, война принимала затяжной характер без особых перспектив на военную победу.

Американцы всё ещё надеялись, что им удастся уговорить японцев не идти на расширение масштабов конфликта. 12 июля 1937 г. госсекретарь США Корделл Хэлл принял посла Японии в Вашингтоне Сайто Хироси, который вручил ему документ, касавшийся военного столкновения у моста Марко Поло, где вся ответственность за инцидент возлагалась на китайскую сторону. Госсекретарь заявил, что «такая великая и первоклассная держава как Япония, должна не только проявить сдержанность в сложившихся обстоятельствах, но и в долгосрочной перспективе подобное поведение будет ещё больше свидетельствовать о правильности избранной политики» [18, р. 368].

16 июля 1937 г. госсекретарь Хэлл выступил с заявлением о фундаментальных принципах американской внешней политики. Признавая существование напряжённости в различных регионах мира, госсекретарь отмечал, что «в мире не существует военных конфликтов, которые в той или иной степени не затрагивали бы интересов, прав или обязательств Соединённых Штатов». Далее говорилось о том, что США «постоянно и последовательно выступают за сохранение мира, за сдержанность на национальном и международном уровнях, за решение проблем международных отношений путём мирных переговоров и соглашений, за соблюдение международных соглашений» [18, р. 371]. Это заявление было разослано правительствам большинства стран мира с просьбой выразить своё отношение к документу*. Правительство Японии ответило, что их точка зрения полностью совпадает с провозглашенными принципами, и оно будет действовать в соответствии с теми обстоятельствами, которые сложились в регионе. В реальности следовать этим принципам Япония не собиралась.

Ещё одной попыткой администрации США уговорить японцев проявить сдержанность в конфликте стало американское предложение о посредничестве. 21 июля 1937 г. госсекретарь встретился с послом Японии Сайто, а позже и с послом Китая в Вашингтоне. Япония на это предложение никак не отреагировала, хотя 10 августа Грю вновь поставил перед МИД Японии вопрос о посредничестве. В августе американцы предложили провести трёхсторонние переговоры в США. Однако министр иностранных дел Японии Хирота Коки, который рассчитывал, что Вашингтон может стать посредником при переговорах с гоминдановцами, заявил, что «если США хотят быть дейст-

* Ответ МИД Германии гласил: «Как хорошо известно, основой политики рейха всегда было стремление регулировать международные отношения путём мирных соглашений, что совпадает с идеями, изложенными государственным секретарём». Итальянцы «высоко оценили идеи госсекретаря».

вительно полезными, то им необходимо убедить Чан Кайши принять японские предложения» [18, р. 375].

Президент Рузвельт с беспокойством наблюдал за тем, что происходит в Китае и в Европе, где Германия предъявляла свои претензии на господство на континенте. В сентябре 1937 г. президент выступил с предложением о том, что «миролюбивые страны должны отказывать потенциальным агрессорам в поставках сырьевых материалов» [19, р. 37]. Однако, учитывая всё ещё сохраняющееся влияние сторонников изоляционизма, Рузвельт, несмотря на своё очевидное неудовольствие действиями Японии, отказался от введения экономических санкций в отношении неё, хотя и сказал о возможности «применения весьма практических мер» [5, р. 383], которые не противоречат Акту о нейтралитете*.

Тем не менее, в рамках существовавших политических ограничений на противостояние японской агрессии Рузвельт сохранял возможность укреплять ВМС США, которые в случае конфликта с Японией должны были играть главную роль в обороне страны. В конце 1933 г. тоннаж флота США был на 150 тыс. т ниже уровня, разрешённого Вашингтонским договором 1922 г. В свои первые 100 дней президентства Рузвельт, который в администрации Вудро Вильсона был заместителем министра флота и хорошо понимал состояние военно-морских сил и их нужды, добился ассигнования 238 млн. долл. на строительство 32 боевых кораблей, включая два авианосца и четыре лёгких крейсера. В марте 1934 г. был принят закон Траммела – Винсона**, в основе которого лежала программа строительства в течение трёх лет 65 эсминцев, 30 подводных лодок, авианосца и 1184 самолётов авианосного базирования [19, р. 199].

Действия американских изоляционистов не слишком отличались от политики европейских сторонников «невмешательства». Анализируя позицию США в отношении Японии после 1931 г., когда была оккупирована Маньчжурия, и реакцию Англии и Франции на захватнические действия Гитлера в Европе, трудно избежать ощущения их сходства. Политику Токио и Берлина государственные деятели по обе стороны океана пытались объяснить «национальными интересами» и стремлением избежать «большой войны». Однако, по мере того, как усиливалась тенденция к политической консолидации стран захватчиков – Японии, Германии и Италии, а масштаб их аппетитов всё больше угрожал стабильности в Европе и Азии и интересам стран, причислявших себя к «западным демократиям», американцы, хотя и очень медленно, начали уже сточать свою политику в отношении Токио.

Первым сигналом стала так называемая «карантинная» речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г. Он заявил: «Когда эпидемия начинает распространяться, общество одобряет и присоединяется к мерам по организации карантина для заболевших... Война заразна, вне зависимости от того объявленная она или нет» [6, р. 276]. И хотя Япония не была названа, было очевидно, что речь шла именно о ней.

* Подписанный 31 августа 1935 г. Акт о нейтралитете вводил эмбарго на продажу оружия и военных материалов воюющим государствам.

** Закон назван по имени его инициаторов сенатора из Флориды Парка Траммела и члена Палаты представителей из Джорджии Карла Винсона.

Реакция американцев на выступление президента была неоднозначной. Политики, общественное мнение и даже сам Госдепартамент разделились на две группы. Одни считали, что США должны активно реагировать на агрессию как на основе коллективной безопасности, так и в одиночку. Изоляционисты выступали за политику невмешательства и за соблюдение Актов о нейтралитете. Госсекретарь Хэлл и главный специалист Госдепартамента по Китаю Стенли Хорнбек настаивали на введении экономических санкций. Их противниками выступали те, кто считал, что американские интересы в Европе намного важнее интересов США в Азии, где Япония, к тому же, может стать барьером для распространения коммунизма.

В документе, подготовленном для президента заведующим отделом Дальнего Востока Госдепартамента Максвеллом Гамильтоном, действия Японии в Китае оправдывались «стремлением к экономической безопасности (доступ к сырьевым ресурсам и получение рынков сбыта) и страхом перед угрозами со стороны других стран и прежде всего Советской России и коммунизма». При этом он считал, что США следует снижать импортные и экспортные пошлины, чтобы облегчить Японии доступ к сырьевым ресурсам. Что касается территориальных захватов, то «США должны признать суверенитет Китая над Маньчжурией, но управлять территорией следует таким образом, чтобы создать буфер между Советским Союзом и Китаем и предотвратить распространение коммунизма из Советского Союза в Китай» [10, р. 597-600]. Противники экономических санкций апеллировали и к тому, что Япония занимает прочное третье место в американском экспорте.

США активно поддерживали ещё одну бесплодную с самого начала попытку убедить Токио отказаться от войны. Брюссельская конференция 1937 г. участников Договора девяти стран состоялась с 3 по 24 ноября по инициативе Чан Кайши. Однако Япония участвовать в работе конференции отказалась, что с самого начала сделала её бессмысленной. От США в ней принял участие президент Совета по международным отношениям Норманн Дэвис. Инструкции, которые Дэвис получил в Вашингтоне, были весьма неопределёнными. С одной стороны, он должен был проводить политику, которая гарантировала бы сохранение мира в Китае, с другой – ему следовало избегать шагов, ведущих к серьёзному столкновению с Японией. Когда перед отъездом в Брюссель Дэвис посетил президента Рузвельта в его имении Гайд Парк на Гудзоне, он получил инструкции, в соответствии с которыми «США не должны были высываться в качестве лидера или предлагать какие-либо действия». Президент рекомендовал «поставить перед Японией вопросы относительно проводимых ею мер, которые будут ставить её во всё более неудобное положение и только усилят мобилизацию общественного мнения и сил морали» [19, р. 39].

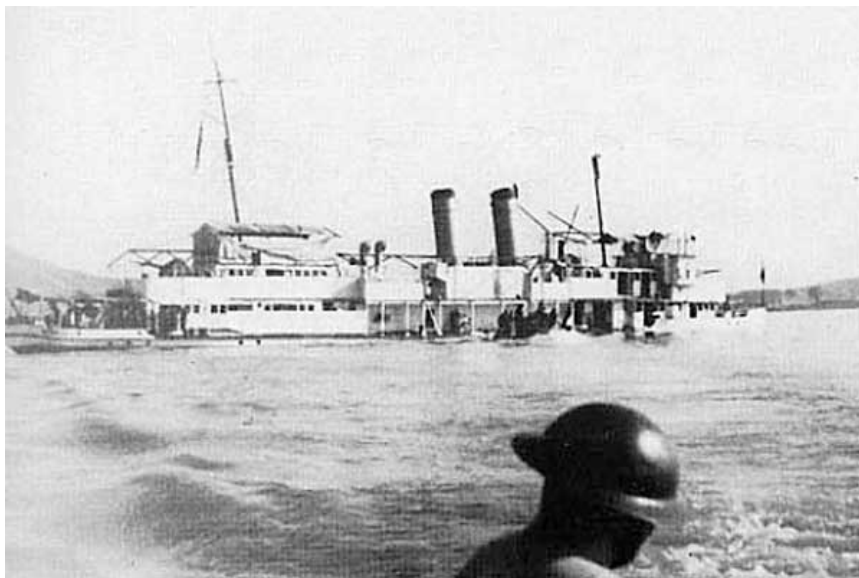
Когда в ходе работы конференции Дэвис, по инициативе англичан, предложил запретить предоставление кредитов Японии, Госдепартамент выступил категорически против, потребовав прекратить переговоры с англичанами о санкциях. Как писал Дэвис, участвующая в конференции советская делегация во главе с М. Литвиновым «настойчиво призывает меня к тесному сотрудничеству и пониманию между Англией, Соединёнными Штатами и Россией с тем, чтобы поставить Японию перед лицом такой комбинации государств, которая бы заставила её прекратить военные действия и установить мир, а одни призывы к разуму не будут иметь никакого эффекта» [10, р. 157-158]. Однако

США вновь проигнорировали сообщение Дэвиса. Рузвельт всё ещё не был готов пойти на санкции против Японии, поскольку это создавало опасность необходимости реагировать на другие проявления агрессии, всё больше становившейся нормой политической практики Германии и Италии. Конференция ограничилась новым приглашением Японии принять в ней участие, которое она благополучно проигнорировала.

В итоге 15 ноября конференция приняла декларацию, которая лишь констатировала озабоченность стран-участниц событиями в Китае, но не предлагала никаких реальных мер по ликвидации конфликта и его последствий. Конференция фактически констатировала завершение действия Вашингтонских соглашений 1921–1922 гг., которые с момента их подписания определяли структуру безопасности Тихоокеанского региона. Что касается японской реакции, то 16 ноября 1937 г. министр иностранных дел Хирота, говоря о Брюссельской конференции, обвинил США в попытках создания антияпонского фронта [9, р. 413].

После того как в том же ноябре 1937 г. японские войска захватили Шанхай, Чан Кайши принял решение перенести столицу из Нанкина в Ханькоу (Ухань), который находился вверх по течению реки Янцзы вне зоны действия японской авиации. Туда же были передислоцированы все посольства, а в Нанкине американцы оставили небольшую группу посольских сотрудников и канонерку ВМС США «Панай», которая была предназначена для поддержания связи между оставшимися в Нанкине дипломатами и Ханькоу. В декабре, когда оккупация Нанкина стала очевидной перспективой, а бомбардировки города с каждым днём усиливались, оставшиеся в городе сотрудники посольства приняли решение ночевать на корабле, стоявшем в устье Янцзы. Японские военные были уведомлены о том, что 18 американцев остаются на борту корабля, командир которого принял решение подняться на несколько миль вверх по реке, чтобы укрыться от японских бомбардировок. Японцы знали о передвижении американского корабля, однако 12 декабря канонерка и ещё три судна, принадлежащие американской компании «Стандарт ойл», были атакованы шестью японскими самолётами. Большинство судов были потоплены, при этом были убиты один из членов команды «Панай» и итальянский журналист, а несколько членов команды и командир канонерки были ранены. На борту судна находился американский военный атташе капитан Фрэнк Робертс и группа кинооператоров компании «Юниверсал ньюс», которым удалось снять налёт японской авиации. В конце декабря этот новостной сюжет был показан в американских кинотеатрах по всей стране, что естественно вызвало возмущение действиями японцев, которые в ясную погоду обстреляли из пулемётов суда под американским флагом.

Американский посол в Токио по просьбе Госдепартамента обратился с жалобой в МИД Японии, на что министр иностранных дел Хирота холодно ответил, что «иностранцы были заранее предупреждены о необходимости эвакуации из зоны боевых действий в районе Нанкина». Однако вечером того же дня министр посетил посольство США и сообщил, что МИД получил сообщение из Нанкина от командующего японскими ВМС в Китае адмирала Хасэгава Киёси, в котором говорилось, что нападение на «Панай» «было совершено по ошибке, в связи с чем японское правительство приносит глубокие извинения [18, р. 397].

Канонерка «Панай» уходит под воду

На следующий день по просьбе президента Рузвельта госсекретарь Хэлл выразил японскому послу возмущение по поводу случившегося. Он потребовал, чтобы «подобные инциденты не допускались в будущем», а также поставил вопрос об извинении и компенсации ущерба [9, p. 523].

Американцы подготовили детальное описание нападения на американские суда, но японцы, настаивали на «простой ошибке» и упорно отрицали преступность своих намерений и действий. Компромисс был достигнут, когда накануне Рождества 1937 г., Япония приняла решение выплатить США 2,2 млн. долл. в качестве «компенсации за убийство американского гражданина и потерю имущества». Тот факт, что США, отлично зная, что расстрел американского судна не был случайностью, приняли не только формальные японские извинения, но и деньги, свидетельствовал о том, что Рузвельт и его администрация всё ещё не были готовы активно выступить против нарастающей японской агрессии в Китае*. В своём дневнике посол Грю записал: «Это был поистине счастливый день, когда мудрость и чувство здравого смысла двух государств, которые не допустили возникновения войны, несмотря на то что одни любой ценой пытались «спасти лицо», а другие прибегли к крайним оскорблениям» [14, p. 239].

Американцы хорошо знали и о «нанкинской резне», когда 13 декабря 1937 г. две японских дивизии вошли в город и начали зверски убивать китайских солдат и мирных жителей. В результате погибло по разным оценкам от 200 до 500 тыс. человек. Но осторожность Белого дома во многом объяснялась ещё изоляционистскими настроениями, доминировавшими в общественном мнении в условиях нарастающей напряжённости в Европе, где угроза столкновения Германии с Францией и Великобританией с каждым днём становилась реальностью. Следует принять во внимание и то, что практически до начала тихоокеанской

* В начале 1930-х годов численность армии США составляла 145 тыс. человек. К 1939 г. её численность выросла до 190 тысяч [19, p. 165].

войны, Вашингтон рассматривал азиатское направление политики в качестве вторичного, сосредотачивая всё внимание на событиях в Европе.

Более того, реакцией законодателей на инцидент с канонеркой «Панай», стало внесение в Конгресс конституционной поправки, требующей проведения национального референдума для объявления войны, которую внес конгрессмен из Огайо Томас Лудлоу. Изоляционисты опасались, что в сложившихся условиях президент может предпринять шаги, направленные на экономическое или даже военное противостояние японской агрессии. Президент сделал всё возможное, чтобы Конгресс не принял эту поправку, и ему это удалось*.

Рузвельт продолжал постепенно готовить страну к возможному обострению ситуации в мире. В ноябре 1937 г. США начали пересмотр «Оранжевого плана» действий на случай конфликта с Японией. Новая его версия предусматривала экономические санкции против Японии и переброску флота в западную часть Тихого океана. Администрация продолжала курс на укрепление флота. В 1938 г. Конгресс принял предложенный Рузвельтом закон «О развитии флота» (*Naval Expansion Act*), предусматривавший его 20-процентное усиление. После того как в феврале 1938 г. Япония оккупировала острова Хайнань и Спратли в Южно-Китайском море, что реально ставило под угрозу интересы союзников США – Великобритании и Франции – в Азии, было принято решение о строительстве ещё 69 боевых кораблей общим водоизмещением в 400 тыс. тонн [19, р. 215].

В августе 1938 г. Сенат выступил с рекомендацией создания военных укреплений на островах Мидуэй, Уэйк и Гуам в Тихом океане. До этого, 11 июня 1938 г. госсекретарь Хэлл, осудив японские бомбардировки Кантона, в ходе которых погибло полторы тысячи мирных жителей, призвал американские авиастроительные компании прекратить практику «материального поощрения» агрессора и ввести «моральное эмбарго» на продажу самолётов в Японию [18, р. 108].

Все 1930-е годы инвестиции в строительство флота росли, а строительство кораблей было ограничено лишь мощностями верфей. То внимание, которое Рузвельт оказывал этому вопросу, было связано как с тем, что, по его мнению, американский флот «уступал... флоту Японии» [17, р. 370], так и с политикой восстановления экономики после Великой депрессии.

В то же время Вашингтон всё ещё надеялся на благоразумие японских политиков, которые продолжали настойчиво заверять американцев в дружбе и готовности к сотрудничеству. В основе курса США на невмешательство в японскую политику в Китае лежало стремление вернуть её в рамки западных представлений о возможных изменениях Версальской системы и создания новых правил экономического сосуществования её участников. Альтернативой этой системе была категорически неприемлемая для западных демократий активно поддерживаемая СССР концепция антифашистского «народного фронта»**. Однако, выбирая между идеологиями национал-социализма и ком-

* В Палате представителей против поправки проголосовало 209 конгрессменов, за – 188.

** Во Франции и Испании в конце 1930-х годов существовали правительства Народных фронтов, при участии социалистов и при поддержке коммунистических партий этих стран. Существование «народного фронта» в Испании определило «нейтральное» отношение США и Великобритании к фашистскому путчу генерала Ф. Франко.

мунизма, лидеры Запада пока ещё были готовы сосуществовать с Берлином, Римом и Токио, но отнюдь не с Москвой. Они считали, что основные противоречия с агрессорами связаны исключительно с их экономическими претензиями, а фашистская идеология, сохранявшая черты рыночной экономики, долгое время оставалась более или менее приемлемой*.

Усилия Рузвельта по противодействию растущей агрессивности Японии продолжали наталкиваться на позицию изоляционистов и деловых кругов. В 1938 г. на Японию и Китай приходилось почти 10% американского экспорта и 8% импорта [24], при этом основными американскими экспортёрами были нефтяные компании, традиционно сохранявшие серьёзное политическое влияние. США рассчитывали сохранить оба рынка и не собирались отказываться от политики «открытых дверей» в Китае, рассчитывая на понимание японскими политиками того, что простое сравнение экономических и геополитических потенциалов двух стран заставит Токио отказаться от конфронтационной политики.

Как писал бывший госсекретарь США Генри Стимсон, «госсекретарь Хэлл даже полагал, что существовала возможность кардинального поворота японской политики. Для реализации этой возможности, он постоянно указывал японцам на те преимущества, которые они могут обрести для своей политики в Тихоокеанском регионе, в случае, если откажутся от своих экспансионистских мечтаний в пользу совместного развития мирной торговли». Сам Стимсон в это уже не верил, поскольку, по его словам, «подобные усилия в 1931 г. провалились даже при более благоприятных обстоятельствах» [21, р. 385].

После начала полномасштабной войны с Китаем японская экономика оказалась в сложной ситуации. Война затягивалась и требовала огромных расходов, отношения с США с каждым днём становились всё напряженнее, уровень жизни населения падал, а страна всё больше оказывалась в международной изоляции. В тоже время военные считали, что западные демократии продолжают уступать силе и не готовы дать военный отпор Японии. Либерально настроенные политики искали пути выхода из изоляции, что, прежде всего, требовало поиска компромисса с Китаем и выхода из войны.

В мае 1938 г. маятник японской политики вновь качнулся в сторону западного либерализма. Министром иностранных дел в кабинете Коноэ стал генерал Угаки Кадзусигэ, имевший репутацию прозападного политика. Четыре месяца, которые он возглавлял МИД, можно характеризовать попытками вывести страну из политической изоляции. Угаки пытался начать переговоры с Чан Кайши, но наткнулся на непримиримую позицию своих менее либеральных армейских коллег. Параллельно были начаты переговоры с послом Великобритании в Токио Робертом Крейгом об улучшении отношений двух держав. Японцы рассчитывали, что США вслед за Великобританией встанут на европейский путь «умиротворения» государств-агрессоров и будут более терпимо относиться к японским действиям в Китае. Однако уже в октябре Угаки под давлением военных был отправлен в отставку.

* Страх перед сталинским коммунизмом в некоторых странах был выше угрозы потери национальной независимости и территориальной целостности. Ответ Польши на предложение СССР о военном сотрудничестве в 1939 г., по словам французского политика Поля Рейно, основывался на убеждённости в том, что «с немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими душу» [3, р. 181].

Подписание Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. продемонстрировало стремление части политической элиты США и Великобритании, пока не испытывавшей непосредственной угрозы ни со стороны немецкого фашизма, ни со стороны японского милитаризма, любой ценой избежать вовлечения в войну*. В Америке всё ещё жила надежда на возможность создать новые правила экономического сосуществования, которые смогут вернуть тоталитарные государства в цивилизованные рамки.

В Японии Мюнхенское соглашение породило новую надежду на то, что политика «умиротворения» агрессоров может быть распространена и на Азию. 3 ноября 1938 г. премьер-министр Коноэ выступил с заявлением, где были конкретизированы японские представления о «новом порядке в Восточной Азии», который, по словам премьера, «создавал новую систему мирных отношений, основанных на подлинной справедливости». Краеугольным камнем этой доктрины было создание «сферы взаимного со-процветания» на основе взаимодействия Японии, Китая и Маньчжоу-го в деле обеспечения прочной стабильности в Восточной Азии, что требовало «политического, экономического и культурного сотрудничества в деле установления международной справедливости, совместной борьбы с коммунизмом, создании новой культуры и нового экономического порядка в Восточной Азии» [9, р. 478].

При этом Япония подтверждала отказ от каких-либо переговоров с правительством Чан Кайши и заявляла об «изменившейся ситуации на Дальнем Востоке», и о том, что «иностранцы должны понять, что будущее их интересов в Китае будет зависеть от признания ими «изменившейся ситуации» [11, р. 366].

США категорически отказались признать японский «новый порядок». «Такие фундаментальные принципы как равенство возможностей не могут быть модифицированы под односторонним давлением» [11, р. 105], говорилось в заявлении Госдепартамента от 20 декабря 1938 г. В тоже время США отказались оказывать военную помощь Чан Кайши, считая, что это может спровоцировать японцев.

После провозглашения «нового порядка» Япония стала открыто декларировать непризнание американской доктрины «открытых дверей» в Китае, которая и без того была сведена японцами к минимуму. Партнёром Японии в Китае стало марионеточное правительство бывшего заместителя Чан Кайши Ван Цзинвея, который в декабре 1938 г. объявил о готовности вести переговоры с японцами, а в следующем марте объявил в Нанкине о создании «национального правительства».

Если раньше на многочисленные ноты США относительно ущемления прав американцев в Китае и отказа от политики «открытых дверей» японцы уклончиво ссылались «на сложности переходного периода» и призывали «проявлять терпение», то в конце 1938 г. тон их ответов резко ужесточился. Теперь министр иностранных дел Японии Арита Хатиро заявлял, что «в Восточной Азии возникла новая ситуация и Япония, исходя из соображений собственной стра-

* Английский премьер-министр Чемберлен, триумфально вернувшись в Лондон после заключения 30 сентября 1938 г. позорного Мюнхенского соглашения, заявил собравшейся восторженной толпе перед его резиденцией на Даунинг-стрит 10. «Дорогие друзья, я второй раз вернулся на Даунинг-стрит из Германии с почётным миром. Это мир для нашего поколения. Идите домой, и спокойно спите в своих постелях» [7, р. 7].

тегической и экономической безопасности, должна контролировать определённые сырьевые ресурсы Китая и определённые отрасли промышленности. Именно это не нравится вам, иностранцам». При этом министр продолжал утверждать, что «открытые двери остаются открытыми» [14, р. 271].

Серьёзным препятствием на пути реальных американских действий против Японии в Китае была несогласованность политики США и Великобритании. Интересы и американцев, и англичан в Китае находились под серьёзным давлением японской политики, однако их реакция на происходящее долгое время не совпадала. Отношения между Вашингтоном и Лондоном по вопросу о японской агрессии в Китае чаще всего напоминали взаимную осторожность, вызываемую как американским изоляционизмом, так и стремлением Лондона сохранить свои экономические позиции в Китае*, а с другой стороны – стремление переноса на Азию европейской политики умиротворения агрессоров. Готовность одних решительно противостоять японской агрессии постоянно наталкивалась на нерешительность других. При этом стороны всё время менялись ролями, что являлось, прежде всего, отражением внутренней политической конъюнктуры в обеих странах.

В 1931 г., когда японцы начали захват Маньчжурии, англичане отказались поддержать призыв Стимсона к коллективным действиям, поскольку опасались за судьбу своих инвестиций в Китае. Подход англичан к японской агрессии изменился после того как в августе 1937 г. во время бомбардировки Нанкина был тяжело ранен посол Великобритании в Китае. Советник-посланник английского посольства в Вашингтоне 1 сентября посетил Госдепартамент с предложением о совместном экономическом бойкоте Японии. Однако Госдепартамент продолжал считать, что подобный шаг противоречит американскому законодательству [8, р. 560]. В ходе Брюссельской конференции 1937 г. американцы вновь отклонили предложение англичан объединить силы. На предложение английской делегации во главе с Энтони Иденом ввести коллективные санкции в отношении Японии, представитель США Дэвис сказал, что общественное мнение в его стране будет рассматривать такое предложение как использование США для защиты английских интересов в Азии.

После того как в мае 1937 г. премьер-министром Великобритании стал Невилл Чемберлен, любые американские предложения о совместных действиях отвергались Лондоном. 11 января 1938 г. заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс посетил английского посла в Вашингтоне с конфиденциальным предложением согласовать проведение международной конференции с участием Великобритании, США, Германии, Италии, Франции и СССР для обсуждения проблем европейского урегулирования. При этом, отмечалось, что «в случае, если Германия и Италия смогут разрешить проблемы своих отношений с Великобританией и Францией, поддержка ими Японии будет в значительной мере ослаблена – по крайней мере, до такого уровня, чтобы заставить Японию заключить мир с Китаем на условиях, не противоречащих принципам Договора девяти держав» [12, р. 117]. Предварительным условием подготовки и проведения конференции было участие в ней Великобритании. Однако после дол-

* В конце 1930 гг. Великобритания являлась крупнейшим инвестором в экономику Китая. На неё приходилось 36,7% от объёма капиталовложений, что в 6 раз превосходило инвестиции США. Японские инвестиции в китайскую экономику составляли 35,1% общего объёма капиталовложений [15, р. 602].

гих обсуждений кабинет министров по инициативе премьер-министра Чемберлена отверг американское предложение. По словам Уинстона Черчилля, это означало «утрату последнего слабого шанса спасти мир от тирании» [3, р. 117]. Японцы вряд ли были осведомлены об этой инициативе американского президента, но хорошо знали, что за три дня до подписания Мюнхенского соглашения Рузвельт обратился к Германии и Чехословакии с предложением провести международные переговоры по урегулированию проблем мирным путём, однако предложение было отвергнуто Гитлером*.

В январе 1938 г. американцы предложили Англии совместные действия по обороне интересов обеих стран в Азии. В Лондон был направлен руководитель отдела военно-морского планирования капитан Роял Ингерсолл с предложением о совместной долгосрочной военно-морской блокаде Японии. Предложение президента нашло поддержку в Адмиралтействе Великобритании, однако Чемберлен его отверг. И первое, и второе предложения стали известными, после того как в 1960-е годы были рассекречены довоенные документы ВМС США [24, р. 49].

В рамках политики «умиротворения» агрессора Великобритания 22 июля 1939 г. подписала соглашение, признававшее свободу действий Японии в Китае, в обмен на обещание Токио не предпринимать враждебных действий против англичан в этой стране**. Договорённость с англичанами ещё более усилила демонстративную дискриминацию американских бизнесменов на территории Китая, которые подвергались обыскам, постоянным проверкам документов, бюрократическому давлению на их коммерческие интересы со стороны Японии. В ответ США 26 июля объявили о денонсации через 6 месяцев японо-американского торгового договора 1911 г.***, в соответствии с которым Япония имела статус «наиболее благоприятствуемой страны». Денонсация договора давала Вашингтону право регулировать торгово-экономические отношения с Японией в одностороннем порядке и вводить любые экономические санкции.

Выход из политической изоляции, в которой она оказалась, Япония видела в укреплении военно-политических связей с Германией, чьё агрессивное поведение в Европе вызывало восхищение армии и, прежде всего, поклонника нацистской идеологии Осима Хироси, занимавшего пост военного атташе в Берлине. Являясь горячим сторонником Антикоминтерновского пакта, он по собственной инициативе и согласованию с Генштабом Японии в 1938 г. начал переговоры с только что назначенным министром иностранных дел Германии Иохимом Риббентропом о придании Антикоминтерновскому пакту военной составляющей. Министр считал, что «укрепление... дружбы с Италией и Японией, и в дополнение к этому привлечение на свою сторону стран, интересы которых прямо или косвенно совпадают с германскими, – важный шаг в деле подготовки страны к войне с Британией и Советским Союзом» [13, р. 292-293]. О своих переговорах Осима даже не поставил в известность посла в Берлине Того Сигэнори, который был категорическим противником военного

* Посол США в Токио Грю ознакомил министра иностранных дел Японии с текстом послания Рузвельта и получил «полную поддержку правительством Японии действий президента США» [14, р. 253]

** В ходе переговоров японцы в июне блокировали английскую концессию в Тяньцзине, что сделало англичан значительно уступчивее.

*** Договор был подписан в Вашингтоне 21 февраля 1911 г.

союза с Германией. Посол исходил из того, что союз с фашистскими государствами неизбежно приведёт к войне с США, Великобританией и СССР, в которой Германия и её союзники неизбежно потерпят поражение [2, р. 189-190]. Того в октябре 1938 г. был назначен послом в Москву, а его место занял Осима.

Союз с Германией^{*} для Японии являлся очевидным фактором выбора между фашистскими странами и их противниками во главе с США. При этом в Токио не прекращалась политическая борьба между сторонниками и противниками соглашения с Берлином. Противники союза исходили, прежде всего, из зависимости японской экономики от США. В 1938 г. на Америку приходилось более трети японского импорта, в котором главное место занимали нефтепродукты, хлопок, металлы и машины, без чего ни военная, ни гражданская экономики существовать не могли. Сторонники прозападной ориентации всё ещё считали, что США могут сыграть роль посредника в поисках возможности урегулирования конфликта с Китаем. Против союза выступал и японский флот, считавший, что ВМС Японии пока ещё не могут противостоять объединённым силам США и Великобритании. За подписание соглашения выступала армия и политики, считавшие, что союз с Германией и Италией явится шагом к выходу Японии из политической изоляции и укрепит позиции Японии в переговорах с США и Великобританией.

В январе 1939 г. кабинет Коноэ ушёл в отставку и новым премьером был назначен Хиранума Киитиро, имевший репутацию крайне правого политика. С этого момента активизировались переговоры между Токио и Берлином, которые были прерваны в результате подписания советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. Для Японии подписание советско-германского соглашения было тем, что премьер-министр Хиранума, подавая прошение об отставке, назвал «непостижимыми новыми условиями», что, по сути, было дипломатическим эвфемизмом слова «унижение». Новая ситуация полностью противоречила как шедшим переговорам о будущем союзе Японии и Германии, так и 2-й статье Антикоминтерновского пакта^{**}. Ситуация определялась и тем, что СССР, который с мая 1939 г. продолжал вести ожесточённые боевые действия против 6-й японской армии на территории Монголии, в глазах японских политиков становился, если не союзником, то, по крайней мере, другом Германии, которая до этого рассматривалась как потенциальный и наиболее вероятный союзник Японии^{***}. Премьер заявил, что «теперь Япония откажется от усилий по укреплению антикоминтерновского пакта» [10, р. 55] и 30 августа 1939 г. кабинет ушёл в отставку. До начала Второй мировой войны оставалось несколько часов.

^{*} Важным для Токио было и то, что в 1938 г. руководство Германии взяло курс на поддержку Японии в войне против Китая, несмотря на то что до этого оно активно поддерживало Чан Кайши, в армии которого находилось более 80 немецких военных советников во главе с генералом Александром Фалькенхаузенем. В феврале Гитлер выступил с речью в рейхстаге, в которой он высоко оценил вклад Японии в борьбу с коммунизмом, что открыло путь к переговорам о модернизации Антикоминтерновского пакта, которому обе стороны были готовы придать функции расширенного военного сотрудничества. В мае 1938 г. Германия признала Маньчжоу-Го, что укрепляло позицию тех в Японии, кто активно выступал за союз с Германией.

^{**} Статья гласила, что «Договаривающиеся Стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» [1, т. 2, стр. 343–346].

^{***} Соглашение о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе было подписано лишь 15 сентября 1939 года.

Список литературы

1. История войны на Тихом океане. Т. 2. 416 с.
2. *Того Сигэнори*. Воспоминания японского посла. М.: Новина, 1996. 521 с.
3. *Черчилль Уинстон*. Вторая мировая война. Т. I. АНФ М., 2012. 592 с.
4. *Barnhart Michael*. Japan Prepares for Total War. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 296 p.
5. *Borg Dorothy*. The United States and Far Eastern Crisis of 1933–1938. Cambridge: Harvard University Press, 1964. 600 p.
6. Department of State. Press Releases. Vol. XVII – 1937.
7. *Faber David*. Munich: The 1938 Appeasement Crisis. New York: Simon and Shuster. 2008. 528 p.
8. FRUS. 1937. Vol. 3. P. 2.
9. Foreign Relations of the United States. Japan, 1931–1941. Vol. I. P. 478.
10. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. 1937. Vol. IV: The Far East (1937).
11. Foreign Relations of the United States, 1938, Undeclared War Between Japan and China. Vol. III.
12. Foreign Relations of the United States, 1938, General, Analyses and Reports of General Political Developments in Europe Affecting the Maintenance of International Order and Preservation of Peace.
13. *Fox John*. Germany and the Far Eastern Crisis, 1931–1938. Oxford University Press, 1982. 464 p.
14. *Grew Joseph*. Ten Years in Japan. New York: Simon and Schuster. 1944. 496 p.
15. *Higuchi Hiroshi*. Nihon no tai- Shi toshi kenkyu (Исследование проблемы японских инвестиций в Китае). Tokyo, 1939. 286 p.
16. *Iriye Akira*. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London–New York: Longman. 1987. 202 p.
17. *Nixon Edgar*. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs 1932–1945. Cambridge, Mass., 1969. Vol. 1. 676 p.
18. Peace and War. United States Foreign Policy 1931–1941. Washington: Department of State. 1943.
19. Pearl Harbor as History, Japanese–American Relations 1931–1941 / Ed. by Borg Dorothy and Okamoto Shumpei. New York - London: Colombia University Press. 1973. 801 p.
20. *Spence Jonathan D*. The Search for Modern China. New York: Norton. 1990. 707 p.
21. *Stimson Henry* and *Bundy McGeorge*. On Active Service in Peace and War. New York: Harper and Brothers. 1947. 728 p.
22. The American Journal of International Law. Vol. 5. No. 2. April 1911.
23. The Cambridge History of Japan / Ed. by Duss Peter. Vol. 6: The Twentieth Century. New York: Cambridge University Press. 1988.
24. *Toland John*. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936–1945. New York: Random House, 1970. 950 p.
25. UN Historical Statistics.